

A close-up photograph of a hand holding a lit sparkler. The hand is wearing a dark, textured, knitted sleeve. The sparkler is bright and glowing, with many sparks flying out. The background is dark and out of focus.

ДОБРО
НИКОГДА
НЕ ИСЧЕЗНЕТ

ВСЁ ХОРОШО

Рассказы и сказки

РОДИОН КУДРИН

Родион Кудрин

Всё хорошо. Рассказы и сказки

«Издательские решения»

Кудрин Р.

Всё хорошо. Рассказы и сказки / Р. Кудрин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984981-6

В книгу вошли произведения разных лет, в том числе сказки для детей «Волшебная скрипка», «Легенда о чудо-городе», «Рыжая кудесница», а также фантастические рассказы «Быть капитаном», «Выхода нет», «Биорегенерация», которые были опубликованы ранее отдельными книгами или вошли в состав сборников «Ядерный постапокалипсис» и «Цветные камни».

ISBN 978-5-44-984981-6

© Кудрин Р.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
Ужин с акцентом	6
Рис на день рождения	9
Искусственный интеллект и ватрушки	11
Игра	13
Последняя боль	18
Цветные камни	20
Роковая колесница	21
Ночная встреча	25
Кошка	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Всё хорошо Рассказы и сказки

Родион Кудрин

© Родион Кудрин, 2024

ISBN 978-5-4498-4981-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

Ужин с акцентом

С самого утра в общежитии было на удивление тихо. Почти все студенты отправились на зимнюю спартакиаду, которая удачно разбавляла череду утомительных новогодних застолий. Одни действительно хотели помериться силами в игровых видах спорта со сверстниками из других университетов. Многие знали (а кто не знал, наверняка догадывались), что баскетбол – это лучшая игра с мячом, и хотели быть похожим на Леброна, Коби или Майкла. Другие рассчитывали продемонстрировать рельефную мускулатуру в армрестлинге и перетягивании каната, чтобы произвести впечатление на симпатичных девушек из группы поддержки. Третьи хотели непременно показать свою точность и координацию в соревнованиях по дартсу и бадминтону и прервать уже, наконец, многолетнее чемпионство китайских товарищей. Большинство же студентов решили просто проветриться за компанию, чтобы не сидеть ещё один день в интернете, а поддержать своих более спортивных друзей.

Соревнования вызвали в общежитии довольно неожиданный побочный эффект. Охранник на входе, многочисленные горничные, комендант и даже плотник со слесарем находились в явно приподнятом настроении. Кто-то из персонала время от времени с нескрываемым удовольствием прогуливался по безлюдным коридорам и холлам, заглядывал в пустующие кухни и душевые, весело щёлкал выключателями в покинутых всеми прачечных. Сомнений не оставалось – благодаря спартакиаде у сотрудников общежития посреди недели выдался ещё один выходной, что не могло не радовать.

– Так работать можно, – усмехнулся пожилой охранник в камуфляже, откладывая кроссворд и с удовольствием потягиваясь в кресле.

– А то, – поддержал приятный разговор обычно молчаливый плотник. – Студентов нет – мебель цела, а как появятся, так сразу всё и начнётся по полной программе, – он сделал кислое лицо и продолжил ужасно нудным голосом: – То замок у них не закрывается, то дверь скрипит, то ручка оторвалась, то стул качается...

– То вода из крана капает, – закончил фразу подошедший слесарь. – Причём у всех сразу. При этом ещё удивляются, почему горячая вода не сразу начинает идти, когда вентиль открываешь. Да потому что зима, вот она и остывает в трубах. Неужели не понятно! Вроде их там учат чему-то, а толку всё равно ноль. Не хотят головой думать, и всё тут. Уткнулись в свои телефоны и сидят так день и ночь.

– Не тому их учат, – авторитетно заявил охранник. – Ну, какие из них будут врачи, если они даже электронный пропуск и студенческий билет умудряются забыть. Вот будет такой хирург тебя оперировать, задумается о чём-нибудь своём, да и оставит в животе тампон или, не дай Бог, ножницы. Тоже потом, наверное, скажет, что это в последний раз – простите, пожалуйста.

– Точно, – подтвердил плотник. – Причём для пациента это и впрямь может быть последний раз. Таким макаром и для моих коллег работа найдётся.

– Типун тебе на язык, – возразила молодая горничная в накрахмаленном фартуке. – Лучше бы стол на кухне починил, чем всякую ерунду к вечеру вспоминать.

– Ладно, сейчас схожу за инструментами, – неожиданно легко согласился плотник и в самом деле поднялся с дивана. – Заодно посмотрю, что там делается, а то кто-то подозрительно гремит посудой.

* * *

Рахул поднял с пола упавшую тяжёлую крышку от кастрюли. Поморщившись от жуткого звона в ушах, он огляделся по сторонам, ожидая увидеть в дверях кухни горничную, охранника или сразу коменданта. Обычно кто-то из них моментально прибежал на такой сильный шум и кричал настолько громко, что барабанные перепонки едва выдерживали натиск. Однако на этот раз всё обошлось. Рахул глотнул воды из стакана и с удовольствием заметил, что звон в ушах практически исчез. Тем не менее, этот грохот наверняка слышали на этаже, и появление надзирателей в кружевных фартуках или камуфляже никто не отменял. Следовало поторопиться и при этом быть предельно аккуратным.

Наученный горьким опытом с упавшей крышкой Рахул бесшумно поставил кастрюлю на плиту. Он ещё раз полюбовался своей любимой посудой для приготовления пищи. Матовая чугунная поверхность слегка поблёскивала в тусклом свете единственной лампочки, спрятавшейся высоко на потолке. Небольшие плоские выступы по бокам служили ручками, за которые было очень удобно держаться. В этой суровой продукции советской металлургии не было ничего лишнего. Однако свою функцию этот предмет выполнял намного лучше современных аналогов. Именно так говорил доктор Суреш, который получил диплом врача в прошлом году и на память оставил эту кастрюлю своему другу.

Рахул взял со стола принесённую с собой упаковку крупы. Он до сих пор не мог понять, почему все русские называют обычный чёрный рис странным словом «гречка». В родной Индии её не обрабатывают и не обжаривают. Потому и цвет у зерна бледно-зелёный, а не коричневый, как здесь. Зато его можно жевать просто так. Сами греки эту крупу не едят и называют её не иначе, как турецкое зерно. Даже интересно, а турки в курсе? Но вот немцы и тут отличились, потому что называют это растение языческим зерном – мол, есть такое могут только нехристи. Ну, да ладно. Пусть и дальше гордятся своей исключительностью. Названий у чёрного риса действительно много, но это же не повод оставаться без ужина.

Рахул вскрыл упаковку и начал отмерять крупу. Всего пять стаканов. Этого должно хватить на четверых студентов (плюс он сам), которые скоро вернутся дико голодные после соревнований. Теперь нужно было промыть эти коричневые зёрна, а потом тщательно слить воду. Её придётся тоже отмерить, чтобы точно соблюсти пропорции. На такое количество чёрного риса нужно вдвое больше воды. Ни больше, ни меньше. Рахул открыл кран и стал тем же стаканом отмерять воду в чайник. После этого пришлось метнуться от раковины к плите, чтобы через несколько минут получить необходимый кипяток. Когда бурлящая вода покрыла крупу и окутала её густым паром, под кастрюлей зажёгся газ. Своими большими лепестками он окружил почерневшее от времени массивное днище. Тяжёлая крышка встала на своё законное место, закрыв от посторонних глаз содержимое кастрюли.

Пять минут огонь должен быть сильным, чтобы вода быстро нагрелась. Не успел Рахул выбросить пустую упаковку, присесть на стул и немного отдохнуть, как отведённое время пролетело. Затем он убавил газ, и голубой цветок сразу уменьшился до средних размеров. Ещё десять минут. За это время можно успеть приготовить основное блюдо. Пачка молочных сосисок была немедленно вскрыта, а её содержимое тут же отправилось в кастрюлю поменьше. Здесь соблюдать пропорции было вовсе не обязательно. Поэтому Рахул просто налил из крана полкастрюли воды и поставил сосиски готовиться на соседнюю конфорку.

Когда положенные десять минут истекли, он не стал открывать крышку, хотя очень хотел вдохнуть аромат горячего чёрного риса. Это можно будет сделать не раньше, чем ещё через пятнадцать минут. Рахул искренне надеялся, что за это время его голодный желудок не переварит сам себя. Чтобы немного отвлечься от мыслей о еде, он почистил заранее купленную на рынке морковь и помыл несколько шампиньонов, которыми его вчера угостила горничная. Понадобилась ещё одна кастрюля и немного воды, чтобы быстро сварить эту роскошь.

Рахул достал из шкафа мелкую соль, а из холодильника – пачку сливочного масла. Тем временем голод резко усилился. Однако мужественный повар не стал идти на поводу у своего

урчащего живота. Нужно было ещё немного потерпеть, чтобы поесть по-человечески в своей комнате вместе с друзьями. Десять минут истекли, и теперь можно было открывать горячую крышку. Рахул наклонился к кастрюле и закрыл глаза от удовольствия. В тот момент он, хотя и не пил спиртное, подумал, что этот пьянящий запах только что приготовленной еды сносит голову почище всякого алкоголя. С трудом оторвавшись от вдыхания волшебного аромата, Рахул зачерпнул соль алюминиевой столовой ложкой и равномерно посыпал дымящуюся поверхность чёрного риса. Потом в кастрюлю отправился щедрый кусок сливочного масла, а оставшаяся половина пачки вернулась в холодильник. Теперь нужно было аккуратно всё перемешать, стараясь не повреждать разварившиеся зёрна.

Тем временем сварились грибы и морковь. Оставалось лишь порезать их тонкими и красивыми ломтиками, чтобы добавить в источающую безумно притягательный аромат кастрюлю. Ещё раз перемешав всё, Рахул с огромным трудом заставил себя оторваться от манящего содержимого. Сосиски уже давно сварились. Они терпеливо ждали, когда на них обратят внимание, и распространяли вокруг себя восхитительный запах копчёного мяса. Рахул с помощью крышки слил воду из маленькой кастрюли. Затем он наклонил её и, проигнорировав вилку, через край переложил сосиски в большую посуду. Чтобы не привлекать лишнего внимания и сохранить еду горячей, он спрятал под крышкой своё богатство. Быстро вымыв посуду, довольный повар взялся полотенцем за ручки кастрюли и уже собирался вернуться в свою комнату, как дверь распахнулась и...

В этот момент на кухню вошёл плотник и строго посмотрел вокруг.

– Что делаем тут в гордом одиночестве? – поинтересовался он.

– Ужин готовлю, – честно ответил Рахул. – Скоро друзья вернутся. Голодные. Надо поесть.

– Ясно. А что у тебя на ужин сегодня?

– Чёрный рис с грибами и овощами. Ещё сосиски.

– Грибы и овощи – это правильно. Да и сосиски тоже нормальная еда для студентов. Только вот чёрный рис – это ни в какие ворота не лезет. Ты бы его помыл, что ли. Да и вообще, что ты мне про рис какой-то рассказываешь, когда на весь коридор гречкой пахнет? Что в кастрюле?

– Чёрный рис, – стоял на своём Рахул.

– Вот ведь неуч, – в сердцах топнул ногой плотник. – Гречку от риса отличить не может, а всё туда же – в медицину. Ладно, иди уже в свою комнату пока комендант не пришёл. И запомни уже: пока ты в России, то, что у тебя в кастрюле, называется греч-ка. Понял? Ну, и хорошо. Иди давай. Ужинай, а я пока стол почию.

25.01.2020

Рис на день рождения

Нужная кастрюля отыскалась в самом дальнем углу кладовки. Серый металл потускнел от времени и скрывался под толстым слоем пыли. На крышке огромным пятном чернела массивная ручка, которая помнила нежные прикосновения заботливых бабушкиных рук. Кажется, что эту старую посуду нечаянно разбудили, и теперь она с любопытством оглядывается по сторонам в надежде узнать новости за последние тридцать лет. Полина выключила фонарик и принялась сдвигать в сторону банки с вареньем. Немного освободив полку, она взялась за боковые ручки и потянула кастрюлю к себе.

Тёплая вода и гель очень быстро вернули старой посуде давно утраченный блеск. Теперь самое время было начать готовить. Полина достала из шкафа пачку риса, которая оказалась последней. К счастью, среднезерновой «Камолино» вполне подходил на роль будущего гарнира. Отборная крупа отлично смотрелась в прозрачной упаковке, словно экзотический арт-объект. Вдоволь налюбовавшись на ровные и аккуратные зёрна, тесно прилегающие друг к другу, Полина высыпала их в глубокую миску и залила водой. Промыв и без того чистый рис, она переложила его в чугунную бабушкину кастрюлю.

Тем временем заранее поставленный на плиту чайник засвистел, сообщая о том, что кипяток уже готов. Нужную пропорцию Полина соблюдала строго – на две части риса она добавила три части воды. Тяжёлая крышка с матовой чёрной ручкой надёжно сохраняла пар внутри, не давая ему ни малейшего шанса вырваться на свободу. Под кастрюлей вспыхнул большой синий цветок. Полина не стала убавлять газ, потому что первые три минуты рис нужно было варить на сильном огне. Этого времени вполне хватит, чтобы помыть миску и прибраться на столе.

Затем трепещущий огненный цветок немного уменьшился в размерах, и Полина поставила таймер ещё на семь минут. Они пролетели очень быстро, потому что следовало ещё заварить ароматный зелёный чай с жасмином, которым так приятно утолить жажду после еды. Когда звонок прозвенел, цветок, похожий на василёк, под массивной кастрюлей стал крохотным. За те две минуты, которые рис нужно было варить на слабом огне, Полина то и дело заглядывала вниз, чтобы убедиться, что газ всё ещё горит.

Время вышло, и нежное растение спрятало свои лепестки в конфорку. Крышка плотно прикрывала кастрюлю и не выпускала из неё пар. До поры до времени Полина не стала дарить ему свободу. Вместо этого она завела таймер ещё на двенадцать минут и начала сервировать стол.

Две глубокие тарелки с японским орнаментом по краю заняли свои законные места. Столовые приборы разместились поблизости на серо-голубых салфетках. Появилось здесь и несколько тарелок с потрясающе оформленными салатами, которые были приготовлены заранее и ждали своего часа в холодильнике. В центре разместилось блюдо с восхитительными говяжьими отбивными, которые только что покинули духовку и теперь распространяли вокруг умопомрачительный аромат.

В очередной раз прозвенел зуммер. Полина достала из холодильника сливочное масло и отрезала несколько щедрых кусков. Открыв крышку, она закрыла глаза от удовольствия. Насыщенный рисовый пар, наконец-то, вырвался на свободу, и кухня наполнилась ощущением тихого семейного праздника. Пока масло таяло, медленно проникая между горячими зёрнышками, Полина достала соль и добавила ещё белого цвета в этот праздник жизни. Оставалось только аккуратно всё перемешать, чтобы сохранить привлекательный внешний вид уже почти готового блюда.

В каждую из тарелок Полина красиво положила рис и говяжью отбивную с пряным соусом. Никакого кетчупа, разумеется, не хотелось, но для ребёнка на столе появился кисло-сладкий соус.

– Пойдём ужинать, Любава, – позвала Полина, любуясь накрытым столом.

Через минуту прибежала дочь и буквально замерла у входа. Зажатая подмышкой кукла упала на пол, а девочка с восторгом смотрела на аппетитное угощение и не трогалась с места.

– Как красиво, мама, – наконец-то, произнесла она и прижалась к Полине всем телом. – И как вкусно пахнет рисом!

– Это бабушкина кастрюля помогла его приготовить. Садись, будем ужинать. Сегодня у бабушки день рождения. Наверное, она смотрит на нас с неба и улыбается сейчас.

28.12.2019

Искусственный интеллект и ватрушки

В коробке было темно и жарко. Наэлектризованная полиэтиленовая упаковка уже давно прилипла к телу, а пенопластовые ограничители натёрли бока. Компактная зарядная база неприятно ёрзала сверху, изредка сталкиваясь с блоком питания. Туго стянутый упаковочной проволокой сетевой кабель лежал в углу коробки и время от времени больно ударялся об её крышку. Поначалу руководство пользователя сглаживало вибрацию, работая штатным буфером. Однако потом оно соскользнуло в другую сторону, и гасить эти весьма ощутимые толчки стало нечему. На дне между различными щётками и пультом дистанционного управления в полиэтиленовом плену задышалась аккумуляторная батарея.

Когда силы были уже на исходе, всё неожиданно прекратилось. Коробку подняли, а затем куда-то понесли. Через несколько минут острый канцелярский нож разрезал скотч и впустил поток свежего воздуха внутрь картонного пространства. Запах полиэтилена и пенопласта нехотя уступал место пьянящему аромату творожных ватрушек, которые похоже только что достали из духовки. Потом добавилась тонкая нота ванили, и от тяжёлого синтетического букета не осталось и следа. Послышался шелест мельницы для сахарной пудры, и ватрушки стали быстро покрываться очень мелкими сладкими крупичками.

Долгожданное избавление от упаковочного плена ощущалось не иначе, как начало новой жизни. Впрочем, именно так оно и было на самом деле. Щётки заняли своё законное место под корпусом. Блок питания жадно поглощал электричество из розетки посредством толстого сетевого кабеля, который постепенно становился тёплым. Зарядная база тоже медленно нагревалась, принимая упорядоченный поток электронов в свои объёты. Аккумулятор, туго зажатый между плюсовой и минусовой клеммами пульта дистанционного управления, быстро спрятался под его крышкой. Девушка, зябко кутаясь в накинутую на плечи шаль, нажала одну из кнопок на миниатюрной панели. Следом раздался сигнал активации ждущего режима, и зелёный светодиод на чёрной матовой поверхности ритмично замигал.

Модуль беспроводной связи быстро нашёл точку доступа и подключил устройство к высокоскоростной сети. Информация с камер системы безопасности загрузилась во встроенный модуль памяти. Вскоре построение трёхмерной карты помещений завершилось, а многочисленные датчики на корпусе ожили. Началось сканирование окружающего пространства в статическом положении. Девушке похоже наскучило ждать пока устройство завершит свою первоначальную настройку, и она нажала ещё одну кнопку на пульте.

В этот момент одна из ватрушек выпала из маленькой детской руки и покатила по полу.

– Какая же ты неловкая, Любава, – с укоризной сказала девушка и покачала головой.

Сахарная пудра рассыпалась на полу вместе с ещё горячими крошками. Ватрушка почти разломилась пополам, источая пьянящий аромат свежесдобитого хлеба. Маленькая девочка всхлипнула и виновато посмотрела на маму, закусив нижнюю губу.

– Ладно, не расстраивайся. У нас ещё есть, – сказала девушка, обнимая притихшую дочь. – Давай, приберёмся, а то скоро...

Договорить она не успела. В этот момент вместо зелёного светодиода на корпусе устройства тревожно замигал красный. Искусственный интеллект в пластиковом корпусе плавно двигался по комнате, деловито шелестя щётками. Следы сахарной пудры и крошки быстро исчезли в недрах напольного модуля. Затем из него показались четыре манипулятора. Они подняли с пола кусочек упавшей ватрушки и поместили их в открывшийся сбоку контейнер. Тем временем, устройство завершило влажную уборку и сразу направилось к окну. Без труда оторвавшись от пола, загадочный агрегат завис в воздухе на уровне приоткрытой форточки. После этого остатки ватрушки из контейнера с помощью манипуляторов отправились за окно к радости быстро летающих птиц.

Устройство зависло в воздухе ещё на несколько секунд, сканируя датчиками пиршество многочисленных пернатых гостей, а потом опустилось на пол. Вопреки ожиданиям людей возвращаться на базу оно не стало. Уверенно двигаясь между различными препятствиями, напольный модуль уточнял свою карту помещений и одновременно делал уборку.

С трудом пришедшая в себя девочка вопросительно смотрела на маму, но сказать ничего так и не смогла. Девушка обняла ребёнка и улыбнулась:

– Вот и у нас, Любава, есть робот-пылесос. В него поставили новую прошивку «Помощь птицам зимой». Так что теперь все упавшие на пол кексы и пирожки пойдут на корм пернатым. Правда здорово? Пока робот занимается уборкой, мы с тобой пойдём пить чай. С ватрушками.

14.12.2019

Игра

– Давай, поиграем?

– Хорошо. А во что?

– В «Угадайку».

– Это как?

– Я рисую что-то на твоей спине, а ты угадываешь. Плечи – это верх, талия – низ. Вместо кисточки – мои пальцы. И самое главное правило – не засыпать, а то я обижусь.

– Всё понятно. Ты сам это придумал?

– Да. Помню, что детям очень нравилась эта игра, особенно перед сном. Только они всё время нарушали самое главное правило. Я, конечно, не обижался на маленьких проказниц. Но тебе спуску не будет – даже не надейся.

– Ладно. Давай попробуем. Обещаю не заснуть, – улыбнулась она и легла на кровать, зарывшись лицом в подушку.

– Хорошо. Давай начнём с чего-нибудь совсем простого. Например, с раду... Так, а что это у нас тут с холстом происходит?

– Что не так?

– Как это что? Весь холст сухой травой засыпало. Соберу-ка я её в пучок, чтобы не мешала, – он потянулся к прикроватной тумбочке и взял оттуда расчёску и резинку для волос. – Начнём через несколько минут, а то художник у нас – жуткий аккуратист. Мало того, что сам буквально повёрнут на чистоте и порядке, так ещё и окружающих пытается воспитывать. Если трава ненароком попадёт ему под кисть, может даже бросить работу и надолго уйти в себя. Лучше не рисковать.

– Хорошо. Риск нам совершенно ни к чему, – она улыбнулась в подушку и повернула голову на другую сторону. – Обидеть художника может каждый. Но не все умеют рисовать картины. Пусть художник наводит порядок – холст подождёт.

– Вот и славно. Какой умный холст мне сегодня попался!

* * *

Карбоновая расчёска легко скользила по длинным и светлым волосам. Они плавно струились и блестели в тёплом свете лампы, похожей на белую свечу на стене. Затем ловкие руки художника привычным движением разделили прекрасные волосы на три одинаковые пряди. Сначала правая из них перепрыгнула через среднюю и оказалась в центре. Следом левая перескочила через бывшую правую сестрицу и сама разместилась посередине.

Так они играли друг с другом в догонялки, постепенно становясь всё тоньше и тоньше. В какой-то момент рука художника замерла, удерживая все три маленькие пряди вместе.казалось, что они уже вдоволь наигрались и теперь хотят немного передохнуть. В это время белая резинка нежно обхватила тонкий хвостик. Она перекрутилась восьмёркой и снова ещё сильнее обняла послушные волосы, пока не превратилась в тугое кольцо, которое плотно закрепило мягкие пряди. Тут же снова подросла расчёска и добавила последние штрихи, бережно разгладив хвостик.

Нежные руки переложили аккуратную косичку со спины на подушку и расправили холст. Чёрная футболка подходила на эту роль идеально. Фабричные надписи и рисунки, к счастью, остались на другой стороне. Так что теперь было уже неважно, что у кого-то в груди бьётся «четырёхкамерное сердце».

* * *

- Теперь порядок. Холст, наверное, уже заскучал?
- Вовсе нет. Он терпеливо ждёт. Можем начинать?
- Конечно.

Длинные пальцы неторопливо заскользили по гладкой ткани. По телу, спрятанному под ней, прокатилась едва заметная дрожь. Через несколько мгновений ласковые руки успокоили её своими едва ощутимыми касаниями. Затем указательный палец стал волшебной кистью, а остальные спрятались в тень ладони, стараясь не мешать. Сначала на холсте появился воображаемый квадрат, но он тут же превратился куб. На его боковых поверхностях одно за другим раскрывались широкие окна, а сверху откуда-то взялась двускатная крыша. Из трубы поднимался лёгкий дымок, тут же прячась за облака и бесследно растворяясь в прозрачном воздухе. Мелкие капли дождя косыми пунктирными линиями падали на крышу дома и скатывались по ней к водосточной трубе. Внезапно показалось яркое Солнце, которое идеально ровным кругом выглянуло из-за облаков. Его прямые лучи нежно касались всего живого и неживого на этой удивительной картине.

Вокруг дома мягким ковром расстелилась трава, по которой бегали счастливые дети. Они радовались летнему дождю, не обращая внимания на мокрую насквозь одежду. В палисаднике росла старая яблоня. Её могучие ветви склонились к земле под тяжестью спелых плодов и капель воды. Зелёные листья весело трепетали, подхватываемые лёгким ветерком, и сбрасывали вниз крупички прозрачной влаги. В клумбах около ствола росли прекрасные цветы. Скорее всего, это были молочно-белые розы. Чьи-то заботливые руки изо дня в день ухаживали за ними, чтобы это прекрасное творение природы радовало всех окружающих.

Дождь уже кончился, и дети подбежали к дереву, чтобы нарвать спелых яблок и наполнить ими большую плетёную корзину. Освободившись от тяжёлого груза, ветви устремились ввысь и оттуда благодарно махали своим маленьким спасителям. Через некоторое время места в корзине уже не осталось, и счастливая детвора понесла свою добычу в дом.

В нём за широко раскрытыми окнами виднелась комната. Она была абсолютно белой. Как будто молочная река вышла из берегов и внезапно приняла форму дома. Там не было почти ничего. Лишь белый стол, за которым сидели двое и крепко держались за руки. Всё остальное казалось неразборчивым и терялось в глубине комнаты. Но в ней ясно ощущалось настоящее счастье. Нескончаемым потоком оно лилось через край и наполняло жизнью всё вокруг. Это чувствовали все, кто там был, – живые и неживые, молодые и старые, бегущие и неподвижные, далёкие и близкие, дарящие тепло и свет, роняющие живительную влагу на Землю.

* * *

- Вот и всё. Теперь твоя очередь. Надеюсь, ты не спишь?
- Не сплю. Я наслаждаюсь прекрасной картиной. Сейчас мне хочется, чтобы такие мгновения длились бесконечно долго. Это было замечательно. Спасибо.
- Для первого раза задание оказалось довольно сложным. Но я в тебя верю. Ты обязательно справишься. Тактильные ощущения тебя никогда не обманывали. Верь им и сейчас. Интуиция и богатое воображение подскажут верный путь. Холст ещё помнит касание нежной кисти, а яркие краски пока не высохли. Но ты ведь расскажешь мне, что увидела на этой картине? Пусть чувства и мысли примут форму самых точных слов, а трепетная душа найдёт свою радость и успокоение.

– Мне кажется, я видела настоящий рай, – задумчиво сказала она, прижавшись спиной к стене. – Там был дом, в котором живёт любовь. Над ним медленно проплывали плачущие от счастья облака. И над всем этим прекрасно горела далёкая звезда.

– Всё так и есть. Ты молодец, – с тихой радостью ответил он.

– Я угадала, правда?!

– Конечно. Ты же умница. Выиграла с первого раза!

– Как здорово! Мне очень понравилось. Спасибо большое! – она прижалась к нему всем телом и крепко обняла.

Казалось, всё замерло в этот миг. Даже часы на стене боялись нарушить хрупкую тишину момента. Потом, немного отстранившись, она продолжила:

– Конечно, не всё изображённое на картине мне понятно. Но, наверное, это и неважно, если, как ты говоришь, я уловила суть. Правда?

– Да. Это действительно неважно. Ведь ты безошибочно уловила самое главное. И это удивительно. Тебе не кажется, что происходящее здесь не совсем реально, и больше похоже на сказку?

– Кажется. Но я надеюсь, что мы оба здоровы. Если даже и есть что-то странное, то, давай, назовём это индивидуальными особенностями?

– Ладно. Договорились.

– Как же приятно чувствовать себя удивительной! – снова улыбнулась она. – Но, возможно, художник сможет повторить свой шедевр? Или даже создаст новое, ещё более совершенное полотно, от которого мурашки побегут по всему телу? Прямо, как сейчас.

– Повторить – это вряд ли. А вот создать что-то новое – вполне реально, – улыбнулся он. – Только главное правило остаётся прежним – не засыпать, а то обижусь.

– Что, и сейчас даже спать нельзя?

– Ну, что ты! Сейчас уже можно. Спокойной ночи, моя хорошая.

– И тебе сладких снов.

* * *

А на утро она проснулась и поняла, что это был всего лишь прекрасный сон.

И всё в нём случилось в точности так, как она любит и чем дышит в реальности. Нежные руки, белый простор, душевная теплота близкого человека, полное приятие безо всяких условий и настоящая любовь. Всё, что так важно и дорого в жизни.

Внезапно у неё снова заболела рука. Левая кисть буквально горела огнём. Только не от реальной травмы или ожога, а скорее от стыда за то, что это могло случиться, пусть и во сне. Как невольное напоминание о её неидеальности и о том, что если кто-то и мог бы преобразить этот мир, или, хотя бы, его часть, в которой жила она, то лишь этот художник. Беда в том, что он должен беречь свои краски для другого полотна, начатого ранее. Всё, что выходило из под его кисти великолепно, поэтому нельзя оставлять работы незаконченными.

Прогнав эти мысли прочь, она распахнула окно. Свежий воздух едва заметным потоком наполнил пространство комнаты. Дышать стало легче, и даже пылающая боль в руке, казалось, немного стихла. И вновь, словно по щелчку невидимого тумблера, перед глазами вихрем пролетели картинка очередного дня.

Уже перед сном, закрывая окно, она вспомнила про игру. И снова потоки нежных чувств готовы были нахлынуть из глубины души и унести в волшебную страну радости и счастья. Глубокий вдох, медленный выдох, и вот ей подумалось совсем о другом. Пора бы уже, наверное, блуждающему нерву успокоиться и просто отправиться спать. Однако, как известно, с приходом ночи его активность лишь усиливается. Именно так случилось бы и в этот раз. Но что-то незримое изменилось, и всё сложилось иначе.

* * *

Она закрыла окно и прошла вглубь комнаты. Взгляд медленно скользил по неподвижным предметам с размытыми очертаниями, словно искал что-то важное. Не задерживаясь ни на чём, с трудом освоившиеся в полумраке глаза скорее угадывали привычную обстановку, чем узнавали до боли знакомые вещи. Казалось, всё было на своих местах. Шкаф для одежды и книжные полки, круглый обеденный стол и мягкие стулья с изогнутой спинкой, кровать и часы на стене, равнодушно отсчитывающие время, закрытая дверь и тёмный экран окна, на котором порой шло весьма увлекательное кино. Жаль, что вечерние сеансы здесь были несколько однообразны, а на утренние и дневные она никогда не успевала. Пол и потолок в этом тихом и уютном кинозале тоже никуда не делись. Тем не менее, временами она могла перепутать даже их.

Внезапно её внимание привлекло яркое пятно, которое появилось у дальней стены. Возможно, оно было там и раньше, но взгляд только сейчас выхватил из полумрака многочисленные разноцветные точки, которые сливались в единое целое. Лунный свет из окна сюда почти не дотягивался. Поэтому ей пришлось мягкой кошачьей походкой двигаться на ощупь, стараясь ничего не задеть по пути. Сделав несколько шагов, она почувствовала едва уловимый аромат, источник которого был, по-видимому, совсем рядом. Спустя мгновение, стало ясно, что прохладный воздух наполнен лёгким и ненавязчивым запахом цветов. Вчерашний день рождения тут же всплыл в памяти множеством ярких букетов и тёплых поздравлений. Казалось, всё случилось уже давно, и было удивительно, как долго могут жить растения без корней в изящных сосудах с водой.

Опустившись на колени, она протянула руку к размытому светлому пятну. Пальцы бережно коснулись бархатных лепестков и гладких листьев с ровными краями. В голове слегка зашумело от нежного и сладковатого запаха с абрикосовыми и ванильными нотками. Почему-то ей стало так хорошо, что захотелось танцевать прямо сейчас. Оставалось взять в руки один из этих прекрасных цветков. Его можно будет поднести к лицу и снова ощутить, как приятно кружится голова, а пол и потолок меняются местами.

В этот момент её пальцы наткнулись на острые шипы. Жгучая боль пронзила всё ещё чужую левую кисть. Казалось, что онемевшая кожа вернулась к жизни лишь затем, чтобы отправить потревоженному мозгу сигнал бедствия. Она судорожно отдернула руку и тут же вспомнила, что вчера гости дарили исключительно розы. Такие красивые днём и опасные ночью. А может быть неугомный блуждающий нерв опять стал всему виной? Ведь он, как прежде, не даёт по ночам покоя усталому телу, а розы лишь случайно подвернулись под руку?

Она медленно поднялась с колен. Оставалось лишь дойти до кровати, чтобы прямо в одежде упасть в не разобранную постель и ненадолго забыться во сне. Всего несколько шагов, и наступит долгожданный покой. Можно будет отпустить свои мысли на волю и подумать о том, чего хотелось бы прямо сейчас. Впечатления прошлого сложатся в причудливые узоры и создадут уникальную ткань сновидений. Совсем ненадолго они станут новой фантастической реальностью. И всё для того, чтобы утром хватило сил начать эту игру заново.

Она уже направилась в сторону кровати, но краем глаза заметила светящийся контур двери. Ещё днём в этом месте была совершенно ровная стена. Теперь же ослепительно белый свет пробивался сквозь узкую прямоугольную щель. Это казалось совершенно удивительным и заставило её замереть от любопытства. Страх быстро прошёл, уступив место отчаянному желанию заглянуть в другой мир. В нём было так много белого, что даже здесь – в полумраке ночной квартиры – пришлось спрятать глаза за шторами век.

После недолгих раздумий она протянула руку и дотронулась до таинственной двери. Та легко распахнулась, впуслав в комнату поток чистого белого света. Он буквально завороживал

и притягивал так сильно, что не было сил ему сопротивляться. Ноги, словно во сне, перешагнули через порог, и её тело тут же погрузилось в сияющую нежность...

29.02.2020—12.03.2020

Последняя боль

Ей очень не хотелось покидать этот мир. Знакомый до боли, одновременно яркий и серый, удивительный и однообразный, сказочно красивый и уродливый, а иногда и попросту чужой. Как бы там ни было, Она появилась на свет именно здесь – почти двадцать лет назад. Тогда всё казалось таким волшебным, что с трудом верилось в реальность происходящего. Думалось, это навсегда, и уже ничто не сможет помешать двум близким душам быть вместе. Она жила в каждой из них, согревая ласковым теплом и озаряя упоительным светом. Ей верилось в то, что две половинки, ставшие однажды единым целым, теперь ни дня не смогут прожить друг без друга. Безоблачное синее небо и ослепительно яркая звезда царили над миром, вселяя в него радость и счастье.

Однако так продолжалось совсем недолго...

Сначала на небе появились лёгкие, полупрозрачные облака. Пройдя сквозь них, свет казался приглушённым. Былая лучезарность незаметно растворилась в ровном матовом свечении. Затем небо заволочило тяжёлыми и мрачными тучами, от чего весь мир потемнел и замер в тягостном ожидании. Потом внезапно пришла гроза, разом сломав что-то важное и смертельно изранив обе души. Измученные страданием тела едва удерживали их, не давая устремиться ввысь.

Долгие годы ютилась Она в укромных и тёмных уголках души тех двоих, что некогда были неразлучны. Иногда казалось, что нет больше надобности в том волшебстве, что раньше согревало и дарило радость всем вокруг. Совсем было отчаялась Она стать нужной и медленно увядала в печали и забвении, но не сдавалась. И вот однажды столь великое терпение оказалось вознаграждено сполна...

Внезапно сквозь тёмные грозовые тучи пробился луч чистого белого света. Коснувшись земли, он растревожил былые чувства тех, кто уже и не чаял испытать нечто подобное. И две одиноких души, пробудившись от долгого сна, нашли в своих закоулках Её – едва живую, но не сломленную.

И снова всё расцвело вокруг. Мир наполнился яркими красками и чарующими звуками, пьянящими ароматами и нежными прикосновениями. Жизнь в нём приобрела неповторимый вкус, который хотелось ощутить снова и снова.

Долго не веря своему счастью, Она, наконец-то, решилась покинуть давно обжитые закоулки. Страх медленно, но верно уступал место надежде. Робко шли навстречу друг другу искалеченные души тех, кто некогда был половинкой единого целого. Лишь в тот миг, когда они воссоединились после долгой разлуки, Она вновь почувствовала себя нужной. Хрупкое счастье вернулось в этот мир, и он стал опять удивительным и прекрасным, как раньше.

Вот только души были так изранены в столь трудном пути, что не могли долго выдержать упоения друг другом. Но и жить в одиночестве, как прежде, оказалось уже невозможно. Вот и стали они маяться, порой, разрывая себя в клочья от бессилия что-то изменить. Видя эти немыслимые страдания, Она решила уйти. Не спрятаться, как раньше, в закоулки души, а навсегда покинуть этих двоих. Ведь был же у них шанс, которым никто так и не воспользовался. Выходит, не нужна Она здесь больше. Нет места Ей в душах тех, кто так стремился, но не смог быть вместе. Не оценили они того дара, что был ниспослан им судьбой.

И вот теперь Её путь окончен. Нельзя пойти к другой душе и попросить приюта. Невозможно родиться заново где-то ещё. Не выйдет даже покинуть этот мир, чтобы поискать другой – чуть более приветливый и дружелюбный. К несчастью, нет ни единого шанса выйти отсюда живой.

В последний раз взглянула Она на этот мир. Увидев тех двоих, кому стала больше не нужна, заплакала. Вытерев слёзы, долго стояла на берегу, глядя, как течение реки уносит вдаль опавшие листья. Потом Она поднялась на деревянный помост, спускавшийся в воду, и медленно пошла по нему. Отражавшийся в лунном свете силуэт с каждым шагом становился всё меньше. В какой-то миг он исчез совсем, не оставив ни малейшей ряби на серебристой глади воды.

На несколько мгновений вокруг стало тихо. В душах тех двоих внезапно что-то кольнуло. Но боль тут же исчезла и больше никогда не причиняла им беспокойства.

13.06.2020

Цветные камни

У обочины дороги томился маленький мальчик. Издалека казалось, что он ждёт старших, которые вот-вот должны появиться и забрать его с собой. Ребёнок то и дело оборачивался, пытаясь кого-то разглядеть. Однако время шло, а к нему так никто и не подходил. Возможно, что-то случилось, раз взрослые оставили четырёхлетнего малыша одного.

Вблизи он выглядел сильно измождённым. Из усталых глаз юного бедуина на мир смотрела такая безнадежная тоска, что её хватило бы и на пятерых взрослых. Выгоревшая и запыленная одежда давно потеряла свой цвет. Взлохмаченные чёрные волосы торчали в стороны, а пересохшие губы обметало белым налётом. Было похоже, что он здесь уже давно – под палящим солнцем и без глотка воды.

Цветные камни, разложенные на обрывке картона, никто не покупал, а дорогие сувениры ему, похоже, пока не доверяли.

Мимо проходила группа туристов. Немолодой экскурсовод в традиционной арабской одежде о чём-то увлечённо рассказывал, но его никто не слушал. Тем не менее, он постоянно запрокидывал голову и так сильно вертел ею по сторонам, словно хотел рассмотреть что-то действительно интересное. Его руки то и дело взмывали вверх, указывая на очередную уникальную выбоину в огромных камнях.

Туристы о чём-то разговаривали на своём непонятном языке и увлечённо фотографировали окрестности. С обеих сторон над дорогой нависали отвесные скалы, а неподалёку виднелись древние развалины. Кто-то из группы равнодушным взглядом скользнул по нехитрому товару на обочине, не удостоив вниманием самого продавца.

Робкий лучик надежды мелькнул в глазах ребёнка. Турист держал бутылку с водой. Мальчик протянул дрожащие руки с цветными камнями и прошептал по-английски:

– Пить.

Это слово он выучил давно. Тогда папа был жив, а мама ещё не заболела. Теперь же, когда она не могла ходить, ему приходилось заботиться не только о себе, но и о ней.

Брезгливо наморщив нос, турист покачал головой. Затем он отвернулся и стал торопливо догонять свою группу, которая ушла далеко вперёд. Остаться здесь надолго ему явно не хотелось. Под суровым взглядом этих мрачных развалин туристу показалось, что он сделал что-то не так. Однако лишь поравнявшись с экскурсоводом и немного отдышавшись, он решил оглянуться.

На этот раз на обочине никого не было. Лишь что-то бесформенное неподвижно лежало на земле в том месте, где раньше сидел мальчик. Вверх струились потоки раскалённого воздуха, а ветер слегка шевелил пожелтевшую траву.

На выгоревшие лохмотья медленно опускалась придорожная пыль. Цветные камни сиротливо лежали на обочине.

22.04.2018

Роковая колесница

Здесь всё казалось по меньшей мере странным. Взгляду открывался лишь жалкий клочок бледно-голубого неба, в которое упирались вершины отвесных скал. Скучная зелень покрывала мрачные горные хребты, с трудом пробиваясь сквозь растрескавшиеся красноватые камни. На узких склонах с трудом угадывались заброшенные древние тропы. Их пологие ступени выглядели так, словно хранили в себе память о каждом из бесконечного множества усталых странников, ступавших по ним за последние две тысячи лет.

Однако время безжалостно разбросало и разрушило некогда массивные каменные плиты. Теперь полуистёртые и покосившиеся осколки былого величия беспорядочно лежали на узенькой горной террасе. Сейчас даже два человека разошлись бы здесь с трудом. Окажись кто у края пропасти, ему бы пришлось очень постараться, чтобы не сорваться вниз.

У этой и многих других здешних троп ограждений никогда не было и в помине. Тому же, кто доверит свою жизнь лошади или ослу, двигаться по столь древней дороге лучше всего с закрытыми глазами. Иначе обычному человеку никак не избежать леденящего душу страха. Вслед за этим и животное станет безумным и может ринуться в пропасть вместе с седоком. Не даром на дне ущелья белеют полуистлевшие кости многих незадачливых путников.

На склоне одной из отвесных гор виднелись огромные ворота, обрамлённые колоннами. Казалось, что за ними скрывается древний храм, высеченный прямо в скале. По сторонам от входа и над ним располагались декоративные фризы и статуи древних богов, застывших в причудливых позах. Их каменные лица не выражали ничего, кроме просветлённого умиротворения, а взгляд, казалось, был устремлён прямо в вечность.

Неожиданно внизу послышался шум человеческих шагов. Вначале он был едва различим на фоне налетающих на скалы порывов ветра и редкого тоскливого крика одинокой птицы. Затем вместо одной пары ног по камням и земле пронеслись и другие. Их становилось всё больше и больше, словно десятки и даже сотни людей направлялись прямо сюда. Потом раздался звук человеческой речи. Сперва говорили тихо и осторожно, словно чего-то опасались. Постепенно к вполне обычным в этих краях арабскому и английскому стали добавляться всё новые и новые языки. Уже через несколько минут небольшое ущелье подобно чаше доверху наполнилось чужой речью. Потом слова зазвучали всё громче, пока не превратились в суетливый и несмолкаемый гам.

Скалы молча взирали на происходящее внизу глазами своих каменных богов. Казалось, что храм и его суровые стражи терпеливо дожидаются неугомонных мирских посетителей, чтобы, хоть чем-то, развеять вековую тоску. Многометровые колонны, уходящие ввысь, надёжно оберегали древнюю святыню от посторонних глаз. Массивные плиты, увенчанные причудливыми барельефами, покоились на каменных плечах огромных невидимых воинов. Не одну сотню лет они без усталости несли свою нелёгкую службу, охраняя вход в святилище.

На небольшой площади перед храмом появились первые утренние туристы. Несмотря на ранний час, они казались бодрыми и веселыми. Многие из них, то и дело, суетливо скидывали телефоны, чтобы запечатлеть столь экзотические красоты, что предстали перед ними. В воздухе зазвучали целые очереди от затворов фотоаппаратов, похожие на стрекотание механических кузнечиков. Вспышки света на миг освещали каменные глыбы, добавляя им кровавого блеска. И без того охряно-красные скалы казались от этого пятнистыми великанами, которые, впрочем, довольно быстро избавлялись от столь броской окраски.

Людей перед храмом становилось всё больше и больше. Каждый из вновь прибывших непременно хотел остановиться, чтобы получше всё рассмотреть и сфотографировать на память. Многие из них развлекались вовсе, делая селфи на фоне древних развалин. Иные же

сосредоточенно разглядывали путеводители, судорожно пытаясь понять, куда именно сейчас нужно смотреть и на что обратить особенное внимание.

Среди туристов своей форменной одеждой выделялись местные школьники. Похоже они всем классом приехали сюда вместе с учителем на экскурсию. Мальчиков среди них не наблюдалось, зато девочки, едва вступившие в подростковый возраст, задорно распевали песни на арабском, которые неизменно подхватывал кто-то из старших парней. Ни один куплет толком закончить не удавалось, поскольку последние слова всегда захлёбывались во всеобщем смехе и радостных возгласах с обеих сторон.

Само собою, большинство посетителей были иностранцами. Некоторые из них приехали из таких экзотических стран, что их язык казался совершенно незнакомым на слух. Другие, судя по одежде, явно принадлежали арабскому миру. Тем не менее, и они с большим интересом вертели головой по сторонам, судорожно стараясь расслышать то, что говорил экскурсовод. Уследить за его жестами, мимикой и торопливой речью казалось весьма затруднительным. Поэтому некоторые из туристов просто рассеянно озирались на древние развалины, нервно проверяли что-то на смартфонах и часто поглядывали на часы.

То и дело среди зевак мелькали небольшие двухколёсные повозки. Вездесущие бедуины играючи подгоняли лошадей и одновременно рассказывали своим пожилым пассажирам о достопримечательностях, что проплывали за бортом. Сидя в тени коврового навеса, передвигаться по камням и песку было гораздо удобнее, чем пешком. Тем более, что окружающие почтительно расступались перед колесницей, едва заслышав стук копыт.

Встречались здесь и родители с совсем маленькими детьми. Со стороны казалось очень рискованным брать на столь изнурительную экскурсию малышей, которые и ходить ещё не умели. Пока дорога позволяла, беспечные мамы и папы катили коляски вперёд, вовсю наслаждаясь прогулкой по руинам древнего города. Как только каменная дорога сменилась на песок, дети переходили на руки к мамам. Папам же только и оставалось, что плестись следом со сложной коляской в руках и рюкзаком за спиной. Сфотографировать окрестности таким незадачливым родителям уже не удавалось, равно как и просто увидеть что-то интересное. Дети капризничали от жары, просили пить, затем есть, потом ещё чего-нибудь, и всё повторялось заново, превращаясь довольно утомительный для всех хоровод.

Среди пёстрых туристов мальчик в традиционной арабской одежде выделялся её исключительной белизной. Он крепко сжимал отцовскую руку, страшно боясь потеряться в людской толпе. Вот уже двадцать минут ему не удавалось думать ни о чём другом.

Даже пятилетнему ребёнку известно, что если разжать пальцы хоть на секунду, то можно уже и не найти свою семью. По-крайней мере, быстро нащупать папину руку точно не получится. В таком странном месте, как это, данный факт будет означать гарантированные многочасовые поиски с участием полиции, страх остаться одному, горькие слёзы, усталость и отчаяние.

В лучшем случае до наступления сумерек, когда туристы массово потянутся к выходу, родители найдут своего потерянного ребёнка. Потом вместо счастливой встречи у них будет ставшее уже привычным выяснение отношений и назначение виноватого. Мама, как всегда, заплачет, а папа станет сильно ругаться и накажет старшего сына на глазах у всех. За что?! Ведь он лишь хотел достать бутылку воды из своего маленького рюкзака и лишь поэтому на секунду отпустил руку отца.

И только младший брат будет на стороне провинившегося. Малыш, как прежде, послушно сидящий на плечах у папы, свысока посмотрит на всё вокруг недоумевающим взглядом. Ему покажется, что взрослые зря ругают брата, который вот-вот и сам снова заплачет. Наверное, им всем стоило бы поскорее вернуться домой, чтобы отдохнуть после тяжёлого дня. Родители, наконец-то, перестанут ругаться – ведь они всегда так делают в дороге, чтобы на них

не обращали внимание. А чудом нашедшийся брат забьётся в самый дальний угол автобуса, чтобы там его никто не видел. Такое было уже и не раз.

– Иди быстрее, Ахмад, – недовольно сказал отец, едва обернувшись. – Если потеряешься, то останешься здесь на ночь. Я не шучу!

Ахмад знал, что отец не шутит. Нужно держаться за его руку и ни в коем случае не отпускать. Иначе и впрямь можно остаться здесь одному.

К счастью, сегодня ничего подобного не произошло. Словно почувствовав грозящую ему опасность, пятилетний мальчик крепко держал отца за руку. Бутылка воды в рюкзаке, словно магнит, притягивала к себе все мысли ребёнка. Ему было неинтересно бродить по жаре и рассматривать эти древние развалины. Вместо этого он просто хотел пить. Мальчик ещё раз поднял глаза на отца, плечо которого мелькало среди людского потока, и лишь сильнее сжал его руку.

«Бутылка воды вполне может и подождать. Ведь не так уж и давно мы вышли из автобуса. Там можно было пить, сколько угодно, потому что у нас в рюкзаке много воды. Водитель, конечно, не любит делать лишние остановки, но папа уговорил бы его в случае чего. Хорошо младшему – сидит себе на папиных плечах и не думает ни о чём. Ему даже ноги переставлять не нужно – не то что мне. Ладно, я уже взрослый и могу немного потерпеть. Скоро папа остановится около прохладного павильона. Там можно будет отдохнуть и вдоволь напиться. Хорошо, если у хозяина найдётся что-нибудь вкусное на обед, а то уж больно есть хочется.»

Ребёнок, то и дело, поднимал голову, словно хотел собственными глазами убедиться, что папа всё ещё рядом. Изредка поглядывая на младшего брата, мальчик мечтал оказаться на его месте, хотя бы не надолго.

«Хорошо сейчас было бы ехать на плечах у папы. Он такой большой и сильный, что долго не устает. А младшего могла бы взять на руки мама. Она, конечно, говорит, что ей уже тяжело таскать такие тяжести, но иногда всё же поднимает его. И когда уже будет остановка?»

В эту секунду из узкого коридора между нависающих скал вынырнула колесница. Гнедая лошадь резво неслась по брусчатке, выстукивая копытами нервную дробь. Пожилая пара пассажиров с восточным разрезом глаз похоже не возражала. Молодой бедуин, что держал поводья, засмотрелся на идущих впереди школьниц. Ему явно захотелось произвести впечатление на симпатичных девочек. К тому же, они шли без учителя, который остался далеко позади.

Школьницы испуганно прижались к стене, пропуская неожиданно появившуюся повозку. Подмигнув самой красивой из них, бедуин привстал и лихо взмахнул поводьями, пуская лошадь галопом под восхищённые девичьи вздохи. Выкатившись на площадь перед древним храмом колесница сбавила скорость, но продолжала ехать довольно быстро. Туристы разбежались от неё в разные стороны, неодобрительно качая вслед головой и даже возмущённо вскидывая вверх руки.

Восточная пара совсем притихла, с ужасом обнаруживая на себе гневные взгляды распуганных туристов. Казалось, что эти пожилые люди вжались вглубь колесницы, чтобы не только не выпасть под колёса, но и скрыться от десятков недовольных глаз.

Бедуин же не обращал никакого внимания на глупых туристов и лишь посмеивался. Ему было очень весело оттого, что красивые и рослые школьницы обратили на него внимание и даже улыбнулись во след. Он и раньше позволял себе подобные вольности даже в присутствии местной полиции. Неподкупные стражи закона получали от бедуинской общины довольно щедрый процент от продажи сувениров, а также прогулок на колесницах, ослах и верблюдах. За это полевому персоналу архитектурно-исторического парка позволялось очень многое. Причём совершенно безнаказанно.

Сегодняшний день не стал исключением. Полиция наблюдала за происходящим с безопасной дистанции, стараясь не задерживать взгляд на испуганных и удивлённых туристах. Подобные мелкие шалости всегда прощались бедуинам, тем более, что камеры видеонаблю-

дения здесь отсутствовали. Всё это традиционно считалось частью представления, за которое туристы уже заплатили по пятьдесят динаров. Обычно посетители пребывали в расслабленно-отпускном настроении. Никто из них не решался связываться с местной мафией, чтобы на узких горных тропинках не поплатиться жизнью за свою непонятливость. Именно поэтому бедуинам практически всегда всё сходило с рук.

Колесница мчалась прямо к храму, оставляя после себя широкий коридор из едва успевших увернуться туристов. Однако одному из них всё же не повезло. Маленький Ахмад так крепко держал отца за руку, что не сразу понял, что нужно делать. Когда стук копыт стал отчётливо слышен даже сквозь людской гам, было уже поздно.

Правое колесо со скрежетом прокатилось прямо по ноге мальчика. Голень сломалась в нижней трети, подвернувшись наружу. Ребёнок выпустил папину руку и упал в дорожную пыль. Его отец обернулся и хотел уж было снова заворчать на сына за то, что тот идёт слишком медленно.

Вместо этого мужчина изменился в лице и не смог ничего произнести. Он снял с плеч младшего ребёнка и медленно поставил на землю. Склонившись над корчащимся от боли Ахмадом, отец поднял его на руки. Он с болью и тоской смотрел вслед удаляющей колеснице, которая через мгновение скрылась из вида за кроваво-красными скалами.

29.08.2018—30.08.2018

Ночная встреча

Никем нетронутый снежный покров таинственно переливался в лунном свете. Деревья, словно замершие великаны, тянули могучие ветви вверх, пытаясь дотянуться до неба. В лесу было так тихо, будто все хищники решили пропустить сегодняшнюю ночную охоту.

Из заснеженной норы вдруг показалась белая любопытная мордочка. Она несколько раз втянула носом морозный воздух и пошевелила белыми усами. Снаружи всё казалось спокойным. Тем не менее, зверёк совершенно не спешил показываться целиком. Осторожность не раз спасала его от гибели. Не стоило отказываться от неё и теперь. Вот и сейчас маленький лесной житель, словно никак не мог решиться на то, чтобы покинуть свою уютную норку.

Через некоторое время на свет всё-таки показались маленькие округлые уши. Они пытались уловить малейшее дуновение ветра и еле слышный шорох. Ничего подозрительного не было. Наконец-то, из норы показалась сначала голова, а потом и гибкое тело, покрытое блестящим белым мехом. Короткие лапки с острыми коготками осторожно ступали по снегу, оставляя на нём едва заметные следы.

Зверёк оказался лаской, которая вышла из норы в поисках пищи. Запасов на зиму уже не осталось, и вся надежда была на удачную охоту. Запаха полёвок она пока не ощущала, но продолжала уверенно двигаться в сторону опушки леса. Возможно, там ей повезёт найти зазевавшуюся мышь или случайно пробудившегося от спячки крота. Тогда она будет спасена. Голод на какое-то время перестанет мучить исхудавшее тело, и можно будет несколько дней не выходить из норы.

Добравшись до опушки, ласка огляделась. Вокруг было пусто. Даже вороны куда-то улетели с заснеженных ветвей деревьев, оставив после себя чёрные проплешины. Мышами даже не пахло. Однако воздух внезапно донёс до чуткого обоняния совершенно незнакомый запах. Такого ласка ещё никогда не ощущала ни в своём, ни даже в соседнем лесу. Она насторожилась и уже готова была броситься обратно к норе, как увидела еле заметный на снегу силуэт горностая.

Он стоял на полусогнутых лапах и жадно втягивал носом воздух. Казалось, он готовился к прыжку, и ласка невольно попятилась. Ей уже совершенно не хотелось охотиться, и даже лютый голод уже не так страшил, как раньше. До спасительной норы добраться можно было всего за несколько секунд. Однако этот охотник, пришедший сюда издалека, не даст ей это сделать. В это время горностай неуловимым движением взмыл высоко в воздух, а затем мягко приземлился в рыхлый снег. Сильные лапы напряжённо сжимали что-то небольшое. Но в лунном свете не удавалось разглядеть, что именно это было.

Ласка уже совсем было решила вернуться в свою тёплую и безопасную норку. Однако почему-то она медлила. Ей казалось, что сейчас произойдёт нечто важное. Опасность подкрадывалась совсем близко, но страшно вовсе не было. Сейчас этот сильный зверь вцепится своими когтями ей в горло, и всё закончится. Но на этот раз инстинкт самосохранения не сработал, и ласка продолжала стоять на снегу, как вкопанная.

Внезапно горностай в два огромных прыжка оказался прямо перед ней. На секунду он замер, а потом положил что-то на снег и отошёл в сторону. Это оказалась полёвка, тело которой ещё не остыло. Ласка вопросительно посмотрела на добычу и подошла ближе. Запах пищи после двухнедельного голода опьянил её, заставив жадно вцепиться зубами в столь желанную плоть. Чужой зверь не возражал и спокойно смотрел на то, как забирают его добычу.

Путь домой оказался недолгим. Совсем скоро ласка оказалась в своём родном и безопасном жилище. В её острых зубах была добыча, которую оставил тот горностай. Наверное, он испугался, раз отошёл в сторону. Но теперь это уже неважно. Главное, что охота удалась. Пусть и не совсем так, как хотелось.

Ласка с наслаждением втянула ноздрями запах пищи. Ей жутко не терпелось, наконец-то, утолить лютый голод, который не давал спать по ночам. В этот момент в нору просунулась чья-та запорошенная снегом мордочка. Она осторожно обнюхала узкий вход, но не двинулась дальше. Ласка похолодела от страха. Казалось, что сейчас у неё отнимут добычу, и разорвут на части. Но какая-то неведомая сила заставила дрожащего зверька приблизиться к незваному гостю. Ласка медленно перебирала лапками, подходя всё ближе и ближе.

Когда она оказалась у самого входа в нору, то её до сих пор дремавшее обоняние внезапно проснулось. В ноздри ударил знакомый запах. В этот момент рыжая шерсть на её голове встала дыбом, соприкоснувшись с ослепительно белой шубой горносталя. Незванный гость просунул в нору свою голову, а потом и весь оказался внутри.

По какой-то причине ласка почти не боялась. Измученному зверьку было уже всё равно. Возможно, это последние мгновения такой короткой жизни. А может быть это начало чего-то нового и светлого. Ласка так и не нашла ответа на этот вопрос, продолжая покорно ждать своей участи.

В это время горносталя стал осторожно протискиваться в нору и потёрся носом о её ухо. Ласка вздрогнула от неожиданности. В тот миг она поняла, что не умрёт сегодня. Она останется жить в своей маленькой и уютной норке. Но похоже теперь придётся разделить жилище с тем, кто спас её от голодной смерти.

09.09.2018

Кошка

Наступило долгожданное лето. Девяносто два дня, отпущенные природой всему живому на передышку от холода, начали свой отсчёт.

Несмотря на частые дожди, в городе уже стояла изнуряющая жара. Кондиционеры в то время были лишь у избранных, поэтому большинству приходилось спасаться за городом. Прохладная речная вода дарила желанную свежесть и снимала усталость. Но утомительная дорога домой сводила на нет всё удовольствие от купания. Тем не менее, электрички в это время были битком набиты изнывающими от жары пассажирами. Дорога занимала всего час, но и его обычно хватало, чтобы на обратном пути утомиться заново.

Устав толкаться по выходным в электричке, Он решил поехать на море. Всего за неделю там можно было накопаться на год вперёд и, к тому же, обойтись безо всяких электричек. Денег у Него едва хватало лишь на то, чтобы снять небольшую комнату в доме на морском берегу. Такие мелочи, как билет на поезд и еда, Его совершенно не смущали. Самое время было узнать, согласна ли Она.

Море! Услышав о нём, Она ужасно обрадовалась и, словно ребёнок, захлопала в ладоши. После такой новости оставалось лишь благодарно повиснуть у Него на шее и осыпать любимое лицо многочисленными поцелуями.

Что и говорить, они оба просто грезили о море и надеялись хоть в этом году, наконец-то, попасть туда. И вот теперь их давняя мечта похоже сбудется. Оставалось лишь собрать дорожную сумку, и можно отправляться в путь. Казалось, что никаких помех больше нет, и настоящий отпуск на морском берегу вот-вот начнётся.

Словно подслушав Его мысли, чёрная пушистая кошка вышла из своего убежища на середину комнаты и вопросительно посмотрела на хозяина.

– Мурка! Поди-ка сюда, кисонька моя, – присел Он на корточки, протягивая руку.

Однако кошка и ухом не повела. Она гордо прошествовала на кухню и принялась за остатки завтрака. Покончив с едой, она тоскливо посмотрела на пустую тарелку и с достоинством удалилась в свой угол.

Кошка могла стать проблемой. Родные и друзья уже давно разъехались в отпуска. Соседи же ещё прошлым летом однозначно дали понять, что совершенно не в восторге от домашних пушистых зверьков. Тем более, чужих. Имелся лишь единственный выход из сложившейся ситуации – оставить кошку одну в квартире с запасом еды и воды на несколько дней. Отпуск, конечно, придётся сократить до трёх дней. Мало, конечно, но ничего не поделаешь. Учитывая сложившиеся обстоятельства, это лучше, чем ничего. На этом и остановились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.